

**ПОЛЬ РИКЁР:
МЕТАФОРА, ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ
И ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ***

Д. Г. Кукарников

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 1 марта 2022 г.

Аннотация: предметом статьи является анализ процесса становления и эволюции философских взглядов Поля Рикёра, посвященных проблематике исторического познания и исторического опыта. Особое внимание автор уделяет выявлению взаимосвязи антропологии, философской теории метафоры и герменевтической феноменологии как теоретической основы понимания Рикёром исторического нарратива в качестве инструмента освоения темпорального опыта.

Ключевые слова: герменевтическая феноменология, живая метафора, нарративная идентичность, историческое познание, исторический нарратив, забвение, прощение.

Abstract: the subject of the article is the analysis of the process of formation and evolution of the philosophical views of Paul Ricoeur, devoted to the problems of historical knowledge and historical experience. The author pays special attention to identifying the relationship between anthropology, the philosophical theory of metaphor and hermeneutic phenomenology as the theoretical basis for Ricoeur's understanding of historical narrative as a tool for exploration of temporal experience.

Key words: hermeneutic phenomenology, living metaphor, narrative identity, historical knowledge, historical narrative, oblivion, forgiveness.

Поль Рикёр, безусловно, является одной из знаковых фигур в философии второй половины XX в. Цель своей исследовательской деятельности этот выдающийся французский философ видел в том, чтобы представить целостную концепцию человека, осмыслив тот вклад, который внесли в нее основные философские течения XX в.: философия жизни, феноменология, экзистенциализм, персонализм, психоанализ, герменевтика, структурализм, аналитическая философия, моральная философия, философия религии, философия истории, философия политики, философия культуры. О широте философских интересов Рикёра и синтетической направленности его творчества свидетельствуют собственные слова философа. «Я, например, – пишет он, – испытываю постоянный интерес к психоанализу, лингвистике, истории, этнологии... Во-вторых, мне приходится часто бывать в немецкоязычных и англоязычных странах. Мои книги «Время и повествование» и «Я-сам как другой», например, несут

---

*Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ «Постклассическая западная философия истории: исторический опыт и постижение прошлого». № 20-011-00406-А.

на себе печать преподавания, принятого в США... Наконец, я всегда стремлюсь найти точки соприкосновения между противоположными позициями, а это требует чтения большого числа произведений» [1, с. 24].

Сложность определения места Поля Рикёра в интеллектуальной истории прошлого столетия связана с необычайно широким диапазоном исследуемых им тем [2, с. 152] и анализируемых авторов (Платон и Аристотель, Августин, Кант и Гегель, Гуссерль и Ницше, Маркс и Ясперс, Фрейд и мн. др.). Столь обширный охват, глубина и новизна философских вопросов и способа их интерпретации не позволяют вписать учение мыслителя в рамки какой-либо одной философской традиции. Однако при общей ориентации Рикёра на антропологическую проблематику в последние десятилетия XX в. применительно к его философии стало довольно устойчивым словосочетание «феноменологическая герменевтика». Так, сам Рикёр характеризует свою философию посредством трех черт: рефлексивности, зависимости от гуссерлевской феноменологии и еще того обстоятельства, что он занимался разработкой герменевтического варианта этой феноменологии [3, с. 286; 4, с. 2]. Данное понятие широко используется им как обозначение метода, указывающего на предпосылочность, историчность нашего познания мира, его языковую обусловленность.

Поздние работы философа посвящены анализу различных аспектов человеческого существования, так или иначе связанных с исторической проблематикой. Рассматривая историческое познание, Рикёр уделяет большое внимание решению проблемы отличия истории от вымысла. Но решение этой проблемы он ищет в комплексе с другими значимыми для истории вопросами, такими как отношения памяти и истории, ответственность акторов истории и самих историков. Пытаясь соединить аналитический и континентальный подходы (что дает ему возможность отвечать на критику с обеих сторон), Рикёр рассматривает историю не только как область знаний, но и как способ человеческого бытия, в первую очередь бытия социального, что позволяет ему переосмыслить как роль истории для общества, так и сами основания исторической науки.

На протяжении всей своей карьеры Рикёр исследовал, как образное и творческое использование языка улучшает нашу способность выражать себя и расширяет наше понимание мира, поскольку «герменевтическая феноменология» есть для французского философа путь косвенного прочтения нашего опыта через язык [4, с. 12].

В 1970-е гг. он попытался переосмыслить проблематику символа, применив к ней, как он сам говорит, «более подходящий инструментарий». Таким инструментарием философ считает метафору. Метафора, перемещающая анализ из сферы слова в сферу фразы, вплотную подводит Рикёра к проблеме инновации и позволяет более плодотворно использовать прогрессивный аспект своей методологии. Значение метафорического выражения не заключено ни в одном из отдельных слов, его составляющих, – оно рождается в конфликте, в той напряженности, которая возникает в результате соединения слов во фразе. Метафора

наглядно демонстрирует символическую функцию языка: буквальный смысл отступает перед метафорическим; соотносённость слова с реальностью и эвристическая деятельность субъекта усиливаются в метафорическом выражении, нарушающем семантическую правильность фразы и несовместимом с ее буквальным прочтением.

Рикёр утверждает, что символы, мифы, метафоры и художественная литература могут передать опыт так, как не может обычный описательный язык, указывающий на аспекты мира только косвенно. Творческий язык отсылает нас к таким аспектам мира, которые могли бы быть реальными, а мы могли бы ощутить эффект присутствия. В «Правиле метафоры» (1975) Рикёр развивает свой тезис о том, что расщепленная референция творческого дискурса раскрывает возможный способ существования в мире, который остается скрытым от обычного языка и референции первого порядка [5, с. 189–190]. Метафора – это эвристический вымысел, который переописывает реальность, ссылаясь на нее в терминах чего-то воображаемого или вымышленного, позволяя нам кое-что узнать о реальности из вымысла.

Эвристические вымыслы помогают нам воспринимать новые отношения и новые связи между вещами, расширяя нашу способность выразить себя и понять себя. Как всякий дискурс, метафора – это коммуникативное высказывание, которое производится как событие, но понимается как значение. Но только живая метафора есть одновременно и событие, и смысл. Мертвая метафора утрачивает свой событийный характер, когда становится обиходным выражением; «мертвые метафоры – больше не метафоры..., они присоединяются к буквальному значению, расширяя, таким образом, его полисемию» [6, с. 145]. Живая метафора содержит метафорический поворот, который создает новый, неожиданный смысл. Значение возникает из-за напряжения в том, как что-то описывается метафорически, и в том, как мы обычно это понимаем.

Для того чтобы уловить различия и сходство, составляющие метафору, мы должны видеть сквозь демонстративную референцию первого порядка на творческую референцию второго порядка, чтобы понять, как она соотносит мир. Чтобы понять, что означает метафора, нужно увидеть, чем она похожа на обычное описание и чем отличается от него. Напряжение в живой метафоре между буквальным и воображаемым должно сохраняться, а не преодолеваться, чтобы быть понятным. Рикёр утверждает, что живые метафоры создают новые интерпретации, которые потенциально могут изменить то, как мы понимаем и действуем [там же, с. 107].

Начатое Рикёром в 1980-е гг. осмысление повествовательной функции культуры и предпринятые им в этой связи попытки соединить феноменологию с лингвистическим анализом, а герменевтику – с аналитической философией открыли перед мыслителем более широкие исследовательские перспективы. Он переходит от анализа фрагментов культуры, запечатленных в отдельном слове или фразе, к анализу текстов культуры, в конечном итоге – к бытию культуры как исторической целостности.

Еще в середине 50-х гг. прошлого века в первой части работы «История и истина» (1955) Рикёр обращается к анализу отношений между философским дискурсом и наличной историей, в связи с чем замечает: «Именно здесь моя проблема сталкивается (и становится ее продолжением) с другой проблемой, которую не может не ставить философия истории, когда она пытается интегрировать в единую историю экономические, политические и культурные линии развития» [7, с. 86–87]. Одной из главных проблем феноменологической герменевтики становится вопрос о человеке как субъекте интерпретации и об истолковании как включении индивида в целостный контекст культуры, как основе его деятельности в культуре.

В трехтомнике «Время и рассказ», изданном в 1983–1985 гг. [8–9], Рикёр продолжает развивать темы смысловой инновации и способности поэтического дискурса раскрывать новые способы видеть и быть в мире. Основной единицей повествования является сюжет, который объединяет элементы рассказа, в том числе причины, мотивы и действия персонажей с событиями, случайностями и обстоятельствами, в единое целое. Сюжет синтезирует, интегрирует и схематизирует действия, события и, в конечном счете, время в единое целое, которое говорит нечто новое и отличное от суммы своих частей. «Рассказ способствует непрерывной аккумуляции смыслового содержания исторического опыта, его обогащения» [10, с. 42].

Центральный тезис «Времени и рассказа» состоит в том, что существует связь между темпоральным характером человеческого опыта и актом повествования. Временной опыт выражается в форме нарратива, поскольку нарратив способен отражать нашу социальную реальность, потому что он выражает темпоральный опыт. Круговорот времени и повествования опосредуется тремя смыслами репрезентации: мимесисом I, мимесисом II и мимесисом III.

Мимесис I, или префигурация, представляет собой аспект имитации действия, основанный на нашем предварительном понимании различия между человеческими действиями и физической активностью. У него есть три аспекта: структурный, символический и временной, – которые формируют когнитивный и практический фон, определяющий то, как мы интерпретируем человеческое действие. Мимесис II, или конфигурация, является стержнем анализа отношений между временем и нарративом, в котором действия конфигурируются в историю посредством сюжета. Действие становится событием по отношению к сюжету рассказа. В свою очередь, история – это нечто большее, чем простая последовательность действий; она, скорее, представляет собой организацию событий в понятное целое и раскрывается как «связная и непрерывная» [11, с. 152]. Мимесис III, или рефигурация полученного во времени опыта, относится к акту чтения, который изменяет наше практическое понимание в соответствии с конфигурацией истории; это пересечение мира текста и мира человеческой практики.

Акт рассказывания и интерпретации историй связывает повествование с практическим преобразованием мира. Герменевтика для Рикёра теперь понимается как рассказывание, написание и понимание вымышленных и невыдуманных историй, по сути, связывающее время, нарративы и историю. В книге «Время и рассказ» Рикёр вводит идею нарративной идентичности. Его мысль состоит в том, что мы понимаем личность человека так же, как персонажа вымышленного или исторического повествования. В ней Рикёр видит «хрупкое дитя истории и фикции», и в этом смысле она «определенным образом объединяет различные семантические эффекты повествования» [12, с. 355]. Он имеет в виду, что повествовательная идентичность есть скрещение двух больших типов повествовательных текстов – истории как повествования, «дисциплинируемого документом», и фикции как повествования, не знающего никаких ограничений. Самотождественность конституируется посредством сюжета, который конфигурирует и синтезирует разнообразные и множественные элементы жизни в единое целое. Точно так же, как история жизни разворачивается как повествование, личность персонажа также раскрывается в повествовании. Личность человека конституируется историями, рассказанными о себе, а также историями, рассказанными другими людьми [13].

Обобщенное изложение концепции исторического познания ученый предпринимает в своем позднем труде «Память, история, забвение» (2000), переведенном на русский язык в 2004 г. [14]. Именно в ней анализируется роль воспоминаний в нашей способности представлять прошлое и превращать настоящее в нечто отсутствующее. Рикёр исследует здесь взаимную связь между памятью и забвением, показывая, каким образом она влияет как на восприятие исторического опыта, так и на создание исторического нарратива. Как справедливо замечает Е. С. Маслов, использование понятий «история», «время», «последовательность событий» означает, что «нарративный способ освоения материала основан на темпоральном модусе осмысления реальности. Не случайно Поль Рикёр и Дэвид Херман называют нарратив когнитивным инструментом освоения темпорального опыта» [15, с. 61–62].

Работа состоит из трех частей, разграниченных по теме и методу. Первая часть представляет собой тщательную феноменологию памяти, исследующую объект памяти, акт запоминания и природу личных и коллективных воспоминаний. Вторая часть представляет собой эпистемологию истории, которая исследует документальную фазу архивирования свидетелей, объяснительную фазу, когда происходят исторические объяснения, и репрезентативную фазу, когда история принимает свою письменную или литературную форму. Третья часть представляет собой герменевтику наших исторических условий; в ней исследуются пределы нашего исторического знания, его экзистенциальные и временные условия, а также роль забвения по отношению к памяти и истории. Работа завершается мольбой о прощении как лучшем способе вспомнить события, чтобы исправить прошлые ошибки и восстановить социальные связи.

Историческая память чаще всего понимается как одно из измерений индивидуальной и коллективной (социальной) памяти – как память об историческом прошлом или, точнее, как символическая репрезентация исторического прошлого. «Историческая память – не только один из главных каналов передачи опыта и сведений о прошлом, но и важнейшая составляющая самоидентификации индивида, социальной группы и общества в целом» [16, с. 10]. Рикёр рассматривает память и ее свойства как онтологическое основание исторического познания, обеспечивающее достоверную репрезентацию прошлого опыта.

Вначале им рассматривается вопрос о памяти и воспоминании в ответ на вопросы об использовании и злоупотреблении памятью в современном обществе. Рикёр перечисляет их как возникающую на патологическо-терапевтическом уровне проблему заблокированной памяти; на практическом уровне – как манипулируемой памяти, а на этико-политическом уровне – как обязывающей памяти.

Затем он вопрошает, является ли история лекарством от этих проблем или помехой? Это возвращает его к вопросу об эпистемологии исторического исследования и письма, теме, которую он уже затрагивал во «Времени и рассказе». Теперь центральный для Рикёра вопрос заключается в том, насколько история зависит от памяти. Историки знают о прошлом больше, чем помнят отдельные люди, но может ли история полностью порвать с обращением к памяти как к свидетельству? Я был там, поверь мне. «Произнесенное, высказанное воспоминание уже есть своего рода дискурс, который субъект адресует себе самому» [14, с. 180]. Однако проблема заключается здесь в подозрении о принципиально недостаточной надежности свидетельства, а не просто в фальсификации. Вместе с тем «в конечном счете, у нас нет иного доказательства, что нечто произошло, чему, как уверяет кто-то, он был лично свидетелем» [там же, с. 204].

В «Памяти, истории, забвении» Рикёр обнаруживает существование более тесной связи между объяснением и пониманием, нежели он полагал в своей более ранней работе «Время и рассказ», где объяснение сочетается с пониманием. Теперь же для исследования дифференцированных моделей объяснения в их связи с пониманием он говорит о том, что называет «объяснением/пониманием» [там же, с. 259–260]. Данная модель проходит через то, что он, вслед за французским историком Мишелем де Серто, обозначает как историографическую операцию, которая характеризует весь процесс исторической документации, исследования и письма [там же, с. 193–194]. Этот сдвиг в мышлении Рикёра приводит его к рассмотрению вопроса об исторической репрезентации (третьей фазы историографической операции) в качестве образа, основанного как на повествовании, так и на риторике. Отталкиваясь от критического анализа работы известного американского историка Хейдена Уайта «Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX в.», он детально исследует репрезентацию и ее формы (нарратив, риторика), стремясь выявить референциальную направленность исторического дискурса.

В заключении Рикёр обращается к проблеме забвения, размышляя о разногласиях между памятью и забвением, заботой и прощением. «В определенном смысле прощение составляет пару с забвением: не является ли оно своего рода счастливым забвением? В еще более глубоком смысле, не есть ли это образ примиренной памяти?» [там же, с. 403], – вопрошает он. Рикёр предлагает мыслить прощение не как событие (как это делали мыслители до него), а как забвение. Забвение не только противопоставляется памяти и истории, но и рассматривается в качестве одного из важнейших их ресурсов.

Кроме того, рядом с категорией прощения неизменно оказывается и категория вины. Рикёр показывает, что идея исторической вины обязательно наталкивается на предел неотвратимого и что прощение, которое трудно, но не невозможно, есть что-то вроде дара, освобождающего деятеля от действия. Следствия вины и прощения «заново переkreщивают собой все операции, конституирующие память и историю, и оставляют особый след на забвении» [там же, с. 633]. Однако данная тема, по признанию самого Рикёра, остается незавершенной.

По мнению мыслителя, прощение неотделимо от исторического нарратива. Следы прошлого могут быть потеряны, и это прошлое будет забыто в том смысле, что оно будет вне памяти. Но как забыть, где остаются следы? Вот здесь-то и появляются проблемы заблокированной, манипулируемой или управляемой памяти, особенно в последнем случае с попытками упорядочить забывание посредством амнистии или цензуры. По сути, Рикёр обращается к этико-политическому срезу проблемы.

Политические последствия памяти включают в себя политические соображения о справедливом распределении памяти для компенсации излишеств как памяти, так и забвения. Однако прощение выходит за рамки справедливости и приближается к сферам милосердия и дара. Прощение возможно только как осуществление евангельской заповеди о любви к врагам, которая выступает как «подлинная мера» дара. «Слово прощения», как и слово любви, не может быть описано лишь на традиционном языке моральной философии, поэтому проблема дара и прощения должна ставиться в рамках философии субъекта [17, с. 304–305]. Если прощение существует и имеет смысл, то оно образует общий горизонт памяти, истории и забвения. Именно в свете категории прощения Рикёр подводит итог своим исследованиям, утверждая, что прощение – лучший способ вспомнить события, чтобы обеспечить более обнадеживающее совместное будущее.

Литература

1. *Гасилин В. Н.* Поль Рикёр и его интерпретации / В. Н. Гасилин, О. Н. Бочкарёва // Аспирантский вестник Поволжья. – 2016. – Т. 16. – № 3–4. – С. 23–29.
2. *Кибальчич Д. А.* Мудрость философии : творческий путь Поля Рикёра / Д. А. Кибальчич // Философские науки. – 2013. – № 8. – С. 147–157.
3. *Вдовина И. С.* Феноменология во Франции : (историко-философские очерки) / И. С. Вдовина. – М. : Канон+ : Реабилитация, 2009. – 400 с.

4. Михайлов И. А. Идея герменевтической феноменологии / И. А. Михайлов // Философская мысль. – 2016. – № 5. – С. 1–15.
5. Рикёр П. Живая метафора. Седьмой очерк : метафора и референция / П. Рикёр ; пер. с фр. Ф. А. Станжевского // HORIZON : феноменологические исследования. – 2015. – № 4 (1). – С. 175–219.
6. Рикёр П. Живая метафора. Восьмой очерк : метафора и философский дискурс / П. Рикёр ; пер. с фр. Ф. А. Станжевского // HORIZON : феноменологические исследования. – 2013. – № 2 (2). – С. 106–150.
7. Рикёр П. История и истина / П. Рикёр. – СПб. : Алетея, 2002. – 400 с. – (Gallicinium).
8. Рикёр П. Время и рассказ / П. Рикёр. – М. ; СПб. : Унив. кн., 1998. – Т. 1 : Интрига и исторический рассказ. – 313 с.
9. Рикёр П. Время и рассказ / П. Рикёр. – М. ; СПб. : Унив. кн., 2000. – Т. 2 : Конфигурация в вымышленном рассказе. – 224 с.
10. Губман Б. Л. Исторический опыт и нарратив в философии П. Рикёра / Б. Л. Губман // Философские науки. – 2014. – № 9. – С. 42–55.
11. Вдовина И. С. Феноменолого-герменевтическая методология анализа произведений искусства / И. С. Вдовина // Феноменология искусства. – М. : ИФ РАН, 1996. – С. 139–159.
12. Ricœur P. Temps et récit / P. Ricœur. – Paris : Ed. du Seuil, 1985. – Т. 3 : Le temps raconté. – 533 p.
13. Тета Ж.-М. Нарративная идентичность как теория практической субъективности : к реконструкции концепции Поля Рикёра / М.-Ж. Тета // Социологическое обозрение. – 2012. – Т. 11. – № 2. – С. 100–121.
14. Рикёр П. Память, история, забвение / П. Рикёр. – М. : Изд-во гуманит. лит., 2004. – 728 с.
15. Маслов Е. С. Что такое нарратив? / Е. С. Маслов. – Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2020. – 116 с.
16. Решина Л. П. Культурная память и проблемы историописания (историографические заметки) : препринт WP6/2003/07 / Л. П. Решина. – М. : ГУ ВШЭ, 2003. – 44 с.
17. Ямпольская А. В. За пределами события : Поль Рикёр о даре и прощении / А. В. Ямпольская // Поль Рикёр : Человек – общество – цивилизация. – М. : Канон+ : Реабилитация, 2015. – С. 302–314.